

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ
ЗНАНИЙ

КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
М. НОВИКОВА

ТВОРЧЕСТВО
П. А. ПАВЛЕНКО

Серия VI
№ 24

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва — 1955

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Кандидат филологических наук
М. НОВИКОВА

ТВОРЧЕСТВО
П. А. ПАВЛЕНКО

Стенограмма публичной лекции,
прочитанной в Центральном
лектории Общества в Москве

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва

1955

**Петр Андреевич Павленко
(1899—1951)**

Воропаев, один из центральных героев романа П. Павленко «Счастье», говорит: «...плечом, телом своим, дыханьем своим чувствую, что я — народ, в народе, с народом, что я — его голос». Эти слова прекрасно характеризуют и самого писателя; их можно поставить эпиграфом к его творчеству.

Павленко прошел большой творческий путь. Его, как и всех советских писателей, вела по этому пути мудрая Коммунистическая партия. Учась у партии, он всегда был вместе с народом, всегда чувствовал себя пропагандистом партии, ее агитатором, находящимся на передовой линии огня.

Петр Андреевич Павленко, сын петербургского железнодорожника, родился в 1899 году. Ранние годы его жизни прошли на юге, в Тбилиси. Об этом периоде Павленко писал в автобиографии:

«Смутно помню 1905 год, вооруженных рабочих, стычки с полицией. Мы с отцом (мать умерла вскоре после переезда в Тифлис) жили в беднейшем районе города, в Нахаловке, населенном преимущественно железнодорожными рабочими».

В детстве Павленко знал нужду и лишения. С трудом удалось ему поступить в реальное училище.

В жизнь Павленко уже в детские годы входит книга. Мальчик читает произведения различных писателей, но ни один из них не оставил в его душе такого следа, как Горький. Павленко услышал о Горьком еще до того, как прочитал его произведения. Мальчику рассказывали о великом писателе рабочие, которые лично знали Горького в годы его пребывания в Тифлисе. Он полюбил Горького, как легендарного богатыря, «великана, вышедшего из наших мест».

Литературное дарование Павленко обнаружилось рано, еще в школьные годы. Но в литературу он пришел не из школы, а гораздо позднее — из университетов жизни. Доброволец-красноармеец Павленко в 1920 году вступил в Коммунистическую партию. Впоследствии он становится комиссаром пограничного отряда особого назначения. В газете «Красный воин» печатаются его первые корреспонденции. Демобилизовавшись, Павленко продолжает журналистскую деятельность в тифлисской газете «Заря Востока» и одесских «Известиях», работает помощником Серго Орджоникидзе, который был

тогда секретарем Закавказского крайкома партии. Коммунисты Закавказья избирают Павленко делегатом на XIII съезд партии.

В 1924 году Павленко был на три года командирован в Турцию для работы в советском торгпредстве. Впечатления от Турции легли в основу его первых книг.

Уже став писателем-профессионалом, Павленко постоянно, с глубоким интересом изучал жизнь. Он много ездил по Советскому Союзу, путешествовал за границей, но при этом никогда не был просто наблюдателем, а всегда чувствовал себя активным участником важнейших событий, борцом за коммунизм.

«Творческое хозяйство,— писал он,— рисуется мне не в образе полки с первой, второй, десятой книгой данного художника, а в виде горки книг, когда вторая лежит на первой, четвертая на третьей, не только хронологически, но и мировоззренчески и качественно»¹.

Уже став автором романов, повестей, рассказов, Павленко выступал и как публицист, продолжал заниматься редакционной и общественной работой. В период войны с белофиннами и в годы Великой Отечественной войны он был военным корреспондентом. Павленко принимал участие в работе Второй Всесоюзной конференции сторонников мира, Всеамериканского конгресса в защиту мира, Первого национального конгресса Общества культурной связи «Италия — СССР», Общегерманского слета молодежи, первого съезда Союза немецких писателей.

Партия и правительство, весь советский народ высоко оценили деятельность писателя-коммуниста. Павленко награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды. Лучшие его произведения удостоены Сталинской премии. В 1950 году Павленко был избран депутатом в Совет Национальностей Верховного Совета ССР.

* * *

Первые книги Павленко появились вскоре после «Чапаева» Д. Фурманова, «Цемент» Ф. Гладкова, «Разгрома» А. Фадеева, почти одновременно с «Тихим Доном» М. Шолохова и другими произведениями, авторы которых так же, как и Павленко, прежде чем стать писателями, сражались на фронтах гражданской войны, были партизанами и подпольщиками, боролись с белобандитами.

Конец 20-х — начало 30-х годов отмечены в истории нашей страны продвижением вперед по пути социализма. Это годы стремительного роста индустриализации нашей страны, годы величайших преобразований деревни, вызванных коллективиза-

¹ П. Павленко. Как я писал «Баррикады», стр. 36—37. Профиздат, 1934.

цией. Время это характерно обострением классовой борьбы на всех фронтах, в том числе на литературном. Советские писатели во главе с Горьким и Маяковским боролись за передовую литературу, утверждая принципы идейности, партийности, создавая образы новых героев — коммунистов.

Достижения советской литературы вызывали бешеную злобу врагов, которые пытались всячески помешать ее расцвету, звали к аполитичности, формализму. Враждебные советской литературе группировки типа «Перевала», возглавляемого троцкистом Воронским, проповедовали «классовый мир», примирение с врагом, отрыв литературы от жизни, от политики.

В этих сложных условиях идейной борьбы и начался творческий путь Павленко.

Много позднее, в статье «Школа писателя — жизнь», Павленко рассказывал: «Совершенно молодым человеком пришел я в писательскую организацию. Я попал в среду людей, из которых иные уже ушли в историю, некоторые из них казались мне почти классиками. Они говорили странные, непонятные для меня слова: «торможение», «развитие фабулы по спирали». Я не мог себе представить, как это можно писать и вдруг совершенно точно узнать, что пора «тормозиться». И что это такое «по спирали»?

Молодой писатель не сумел разобраться в сложной и напряженной литературной борьбе тех лет, не смог критически отнестись к ложным литературным «авторитетам».

Сам Павленко впоследствии резко осудил те заблуждения, которые были у него в начале творческого пути: «Я начал с ошибок и работал одно время плохо, неверно. Я начал свою литературную жизнь, путаясь в «Перевале».

Мое счастье, что я быстро ушел оттуда, быстро порвал с этой группировкой, политическая характеристика которой нам известна»¹.

Ранние сборники рассказов и очерков Павленко — «Азиатские рассказы» (1929 г.), «Стамбул и Турция» (1930 г.) — очень близки друг к другу. Их роднит не только турецкая тематика, но и многочисленные недостатки, главный из которых — отсутствие жизненной правды, художественного проникновения в сущность социально-исторических явлений, без чего немислимо реалистическое искусство.

Лишь временами молодой писатель разрывал опутывавшие его литературные схемы и нормы, и тогда на страницы его произведений (и это были лучшие страницы) проникала жизнь. Обездоленная, бесправная, эксплуатируемая «своими» и иностранными империалистами страна встает со страниц лучших рассказов и очерков этих книг.

В рассказе «Два короля» повествуется о том, как великий

¹ «Знамя» № 4 за 1937 год, стр. 284—285.

анатолийский мастер Саади ткёт ковер для короля Англии. Саади сделал фон ковра блеклым, шипом терновника рассек изображение граната, который считается в Анатолии плодом плодородия и счастья, а зерна граната разбросал по ковру, как капли крови. Так передал мастер горе и нищету, которые принесли турецкому народу иностранные колонизаторы.

В очерке «Цена дыма» показано чудовищное угнетение армян в Турции, нищенская жизнь армянских деревень.

Однако рассказы и очерки о Турции, несмотря на отдельные правдивые страницы, в целом далеки от реализма; они создавались под влиянием буржуазной «ориентальной» (восточной) прозы, в них много формалистических украшений, эстетского любования прошлым,— писателя привлекает причудливая экзотика Востока. Отсюда и нарочито усложненный язык этих книг — заумные выражения, надуманные сравнения и эпитеты.

«Первые мои ближневосточные рассказы,— говорил Павленко в 1950 году в беседе со студентами Литературного института имени Горького,— не удались мне и оказались формалистическими... Восток получился не таким, каким я его знал. Все оказалось слишком красивым и неправдоподобным. Я писал тогда, руководствуясь туманным «законом» торможений, скольжений и спиралей. Я не понимал, что все это, хоть и не украдено, а не свое».

Но здоровое отношение к жизни, политически острый взгляд на события — эти черты дарования Павленко, обнаружившие себя уже в первых книгах, являлись залогом преодоления противоречий в мировоззрении писателя, его перехода на позиции социалистического реализма.

* * *

Разоблачение партийной печатью враждебного советской литературе «Перевала» помогло Павленко до конца понять характер этой группировки и порвать с ней. Однако преодолеть влияние «Перевала» в своем творчестве ему удалось не сразу, а лишь в процессе глубокого, активного изучения жизни.

Книги Павленко 30-х годов были посвящены людям нашей страны, их жизни, их делам и созданы в результате его непосредственного участия в социалистическом строительстве. В 1930 году бригада писателей, в которую, кроме Павленко, вошли Л. Леонов, Н. Тихонов, Вс. Иванов и другие, выехала в Туркмению для участия в проведении весенней посевной кампании.

Знакомство с жизнью этой некогда отсталой окраины парской России помогло писателям понять, какие колоссальные сдвиги происходят в Советской стране. Павленко писал, что получил «ясное понимание линии классовой борьбы в деревне,

о которой имел до того понятие отвлеченно-тезисное и которую сейчас не просто понимаю, но вижу в лицах».

Сближение с жизнью не могло не дать положительных творческих результатов: после этой поездки Павленко написал повесть «Пустыня» (1931 г.) и книгу очерков «Путешествие в Туркменистан» (1932 г.), Н. Тихонов выступил со стихами о Туркмении и книгой очерков «Кочевники», поэт В. Луговской опубликовал книгу стихов «Большевикам пустыни и весны».

Написанные в разных жанрах, разными авторами, в разной творческой манере, все эти произведения посвящены отважным борцам за социализм в молодой Советской республике, людям, покоряющим природу, преодолевающим сопротивление врагов.

По признанию самого Павленко, он нащупал тогда свою основную тему — тему «борьбы масс за новый порядок, за революцию, за советское правительство. В «Пустыне» это была борьба туркменского крестьянства против басмачей...»

Писатель нашел не только главную тему своего творчества, но и главного положительного героя — коммуниста — творца, организатора, неразрывно связанного с народом. В повести «Пустыня» — это Ключаренков, рабочий по профессии. Партия не раз посылала его на ответственные участки социалистического строительства: он помогал укреплять колхозы, строить Турксиб, снабжать сырьем текстильную промышленность.

Ключаренков — отдаленный предшественник Воропаева — героя «Счастья», хотя он очень отличается от него по времени действия и по мастерству изображения: Ключаренков представлен в повести не столько в действии, во взаимоотношениях с людьми, сколько в высказываниях, чаще всего даже не его собственных, а других действующих лиц.

На том этапе своего творчества Павленко еще не овладел искусством типизации. Он уже научился верно подмечать отдельные типические черты нового, советского человека, но в изображении Павленко эти черты еще оставались разрозненными и часто лишь названными. В «Пустыне», как справедливо отмечает сам Павленко, было еще «много эстетства, влечения к ориентальной экзотике и нарочитой красоты»¹.

К повести примыкает книга очерков Павленко «Путешествие в Туркменистан». Обращение к жанру очерка характерно в те годы для многих советских писателей, что свидетельствовало об укреплении связи между литературой и жизнью.

Очерки Павленко посвящены социалистическому строительству в Советской Туркмении. Писатель показывал, как в условиях ожесточенной классовой борьбы росли и крепились туркменские колхозы, шло культурное строительство. Правда,

¹ П. Павленко. Соч., т. I, стр. L. Гослитиздат. 1953.

и в очерках Павленко люди Советской Туркмении были представлены еще не достаточно художественно совершенно. Можно сказать, что книга показывала действительность не столько вглубь, сколько вширь.

Очерки перегружены материалами, не включенными органически в художественную ткань произведения.

«Путешествие в Туркменистан» — взволнованное слово советского писателя о величии нашей действительности. В очерке «Кстати о жанре» Павленко отстаивал боевой дух советского искусства, иронизировал над декадентскими ухищрениями западных буржуазных литераторов. В некоторых очерках о Туркмении есть запоминающиеся образы строителей новой жизни, например, старого агронома-практика Крутцова — «человека типа Мичурина», с энтузиазмом работающего над увеличением урожайности хлопка («Хлопок человеческий»).

Очерки о Туркмении получили высокую оценку Горького. В статье «О литературе» он назвал имя Павленко в числе талантливых очеркистов, очень хорошо чувствующих «социально-педагогическое значение своей работы».

* * *

Одновременно с очерками «Путешествие в Туркменистан» вышел роман Павленко «Баррикады» (1932 г.).

Еще в детстве Павленко горячо интересовался Парижской Коммуной, которая вошла в его сознание как «первый познанный опыт мира, как первая радость мужества». Долгие годы созревал у него замысел написать о героических днях 1871 года. Но именно теперь, когда Павленко как писатель встал в ряды активных борцов за социализм, этот замысел смог осуществиться.

Главная тема творчества Павленко — борьба за новый порядок, за революцию, — наметившаяся уже в «Пустыне», здесь предстала как «борьба парижских рабочих в мае 1871 г. против реакции Тьера».

Писатель изображал эту борьбу, обогащенный опытом революции и строительства социализма в нашей стране. С братской любовью писал он о парижских коммунарах, сделавших первый шаг в развитии диктатуры пролетариата, о Коммуне как предшественнице Октября. А. Фадеев назвал это произведение на страницах «Правды» «большой революционной и художественной победой нашей литературы»¹.

В те годы особенно важное значение приобретает идея единения пролетариата в революционной борьбе, идея международной солидарности трудящихся.

Созданию романа предшествовала огромная работа по изучению исторического материала — русских и иностранных

¹ «Правда» от 25 декабря 1932 года.

книг, документов, иллюстраций. Основными источниками явились для Павленко труды классиков марксизма-ленинизма. Марксистское понимание истории позволило писателю верно изобразить жизнь Франции того времени.

Оптимистический характер произведения естественно вытекает из самого повествования, которое сосредоточено вокруг судьбы народа Франции. Погибли многие коммунары, но всегда будет жить французский народ, борющийся за свою свободу. Новые поколения его — знакомые наследники героев коммунаров — завоюют победу.

Революционный народ Франции показан и в массовых сценах и в образах коммунаров, доблестных солдат революции: машиниста Ламарка, водопроводчика Бигу, столяра Раве и других.

Роман «Баррикады» посвящен светлой памяти борцов за Октябрьскую революцию — людей самых различных национальностей французской женщины, убитой в Одессе французскими интервентами, корейского борца за свободу, расстрелянного японскими палачами, финских коммунистов, отдавших свою жизнь за дело Октября.

Писатель стремится подчеркнуть этим посвящением идею пролетарского интернационализма. Эта идея отчетливо раскрывается и в изображении батальона волонтеров-иностранцев, сражавшихся на парижских баррикадах.

Стремясь полнее раскрыть всемирно-историческую роль Парижской Коммуны, ее интернациональное значение, Павленко ввел в свой роман образ Маркса, его оценку событий во Франции. Писатель отказался от «океанической», по его выражению, темы — изобразить во всей полноте этот образ. Но все же он один из первых в советской литературе сделал попытку нарисовать художественный портрет Маркса.

Лагерю революции противопоставлены версальцы во главе с Тьером и их иностранные «покровители», которым они продавали Францию, стремясь любой ценой подавить революцию, расправиться с коммунарами.

Хотя в центре внимания писателя была революционная действительность (он говорил, что восстание — главный герой романа), ему не удалось показать эту действительность во всей реалистической полноте и конкретности. Объясняется это недостатками в изображении человеческих характеров героев Коммуны. Павленко еще не умеет органически связать раскрытие внутреннего мира, переживаний, настроений героев с их деятельностью, поступками, поведением.

Роман лишен единого сюжетного стержня. Он представляет собой, как верно определил Фадеев, художественную мозаику. Несмотря на единую идейную основу, эта мозаичность мешала изображению в романе существенных сторон революционной действительности.

Язык романа лучше, проще языка ранних произведений Павленко, но все же в нем еще заметны следы прежней манерности и вычурности.

А. М. Горький подверг строгому разбору новое произведение молодого писателя. Его критика, как всегда, была доброжелательной, но в то же время беспощадно требовательной. В письме к Павленко Горький критиковал «Баррикады» за неровности языка, клочковатость композиции.

Однако замеченные Горьким недостатки книги не поколебали его веры в автора. Горький помог Павленко вырасти в писателя-реалиста, создавшего ряд замечательных произведений социалистического реализма и начавшего работать (смерть прервала эту работу) над большим произведением о борцах за коммунизм в разных странах — романом «Труженики мира», в котором Павленко намеревался развить и углубить тему «Баррикад».

* * *

Середина 30-х годов ознаменовалась великими событиями в жизни нашей страны. Собравшийся в 1934 году XVII съезд партии вошел в историю как съезд победителей; к этому времени победа социализма была достигнута во всех областях народного хозяйства. Новая Конституция Советского Союза закрепила эту всемирно-историческую победу.

В неразрывной связи с достижениями советского народа, вдохновляемого, руководимого Коммунистической партией, были и те крупные успехи, которых добилась в середине 30-х годов советская литература.

В лучших произведениях тех лет — романе Николая Островского «Как закалялась сталь», «Педагогической поэме» Макаренки, «Брусках» Панферова, «Стране Муравии» Твардовского, «Энергии» Гладкова — центральное место занял образ коммуниста, руководителя масс в борьбе за социализм. Писатели продолжали обращаться к теме гражданской войны, черпая в ней примеры замечательного мужества ее героев.

Коммунистическая партия проявляет постоянную заботу о развитии советской литературы. В 1932 году было опубликовано историческое постановление ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций, создании единого Союза советских писателей.

Первый Всесоюзный съезд советских писателей подвел итоги достигнутому советской литературой за годы ее существования и наметил задачи на будущее.

Выступивший на съезде А. А. Жданов назвал советскую литературу «самой идейной, самой передовой и самой революционной литературой мира», раскрыл сущность метода социалистического реализма.

В капиталистических странах тридцатые годы характеризовались глубочайшим экономическим кризисом, усилением недовольства народных масс, обреченных на голод, нищету, безработицу, активизацией революционных настроений. Правящие круги стремились любыми средствами подавить растущее сопротивление трудящихся. В 1933 году в Германии к власти пришли фашисты. Государства-агрессоры — Германия, Япония, Италия — начали насильственный захват чужих территорий.

В эти годы Павленко создал роман «На Востоке».

Павленко принадлежал к тому поколению советских писателей, в творческом росте которых огромную роль сыграл Горький.

«Вспоминая о встречах с Горьким,— писал Павленко,— не раз я говорил себе: путь мой как литератора был бы совершенно иным, не подари мне жизнь счастья видеть, слышать и учиться у Горького...»¹. И дальше: «...слушаешь Алексея Максимовича и вдруг в смятении ощущаешь, что ты — соратник Пушкина по профессии, что ты — в одном союзе с Тургеневым, Чернышевским, Львом Толстым, Чеховым, что ты — господи боже! — их законный наследник и даже продолжатель»².

Горький был любимым писателем Павленко в детстве, властителем его дум в юношеские и зрелые годы. Огромное значение для Павленко имела их личная встреча, которая произошла в 1932 году. Дом Горького стал для Павленко, как и для всех, кто побывал в нем, — «академией узнавания, обмена опытом, академией дерзких планов и проектов».

Павленко редактировал издававшиеся по инициативе Горького журналы «30 дней», «Колхозник», альманахи «Год шестнадцатый», «Год семнадцатый» и др. Это было время повседневной, напряженной учебы Павленко у Горького. К этому периоду относится работа над романом «На Востоке».

«В те годы я уже работал над дальневосточным романом, — пишет Павленко. — Я еще успел познакомить Алексея Максимовича с черновым вариантом «На Востоке», носившим тогда заглавие «Судьба войны», и получить его советы, как всегда, суровые и дельные»³.

Познакомившись с первым вариантом книги, Горький в основном положительно оценил ее. Однако он указал, что роман нуждается в доработке, так как имеет существенные недостатки. В романе отсутствует образ подлинного героя войны — рядового бойца, война показана слишком локально — только на Востоке, композиция, особенно второй части, несколько фрагментарна. Павленко признал справедливость за-

¹ «Знамя» № 6 за 1951 год, стр. 144—145.

² Там же, стр. 144.

³ Там же, стр. 148—149.

мечаний Горького и в течение многих месяцев вновь напряженно работал над рукописью. Отдельным изданием роман вышел уже после смерти Горького, в 1937 году.

«На Востоке» — одно из значительных произведений советской литературы 30-х годов. Позднее писатель говорил: «Нужно писать только самое острое, самое нужное, самое отчаянно важное»¹.

Таким острым, нужным и был этот роман о борьбе всего советского народа за укрепление страны (так определял сам Павленко тему произведения).

Роман «На Востоке» — эпопея о социалистическом преобразовании советского Дальнего Востока. В глухой тайге, в местах, где недавно тонули в болотах медведи, теперь вырастали заводы, школы, больницы, театры — города.

Изменялось не только лицо земли — изменялись люди. В упорном труде, преодолевая тяжелые препятствия, разрушая козни врагов, простые советские люди становились богатырями.

В этом произведении писателю удалось показать образы коммунистов гораздо глубже, ярче и убедительнее, чем раньше: их характеры раскрываются в труде, в действии, во взаимоотношениях с окружающими.

Важное место в произведении занимает образ Михаила Семеновича, руководителя края. Он так популярен, что ни разу не назван по фамилии. В этом и нет необходимости — каждый из дальневосточников знал его имя и отчество. Такая, казалось бы, незначительная деталь помогает понять, какую роль играл этот человек в жизни окружающих его людей.

Михаил Семенович любит работать с людьми, хорошо знает жизнь. Его интересуют не только первостепенные вопросы, но и те, которые могут показаться на первый взгляд «мелочью», а в действительности имеют важное значение. Он чутко, внимательно относится к людям, вникает в дела заводов, колхозов. У него всегда находит поддержку все новое, передовое.

Эти черты нового хорошо переданы и в образе коммуниста Шотмана, энтузиаста-геолога. Он интересуется и жизнью колхозов, и строительством театра на прииске, и музыкой, принимает участие в сотнях всевозможных начинаний, являясь их инициатором и организатором. «...Шотман тащил сто или двести душ из всех углов, растил их и запускал в дело».

Михаил Семенович, Шотман, комиссар Шершавин и другие герои романа «На Востоке» — прямые предшественники Воропаева («Счастье»). Их объединяет высокая идейность, преданность партии, неразрывная связь с народом, творческое горение. Позже все эти черты получают развитие в образе Воропаева.

¹ «Знамя» № 4 за 1937 год, стр. 286.

Борьба двух миров — основной конфликт романа «На Востоке».

Павленко показал борьбу советских людей с кулаками, ставшими изменниками Родины, белогвардейцами, которые находятся на содержании у японской разведки. Павленко изобразил представителей наглой японской военщины — шпионов Мурусиму и Якуяму с его фашистскими требованиями: «...ищите провокаторов и воспитывайте диверсантов...»

В романе «На Востоке» Павленко разоблачил империалистическую Японию не только как злейшего врага Советского Союза, но и врага Китая, боровшегося за свою свободу, писал о солидарности советского и китайского народов.

Любовь и уважение к мужественному китайскому народу выражены уже в эпиграфе произведения: «Если вздохнуть всем народом, ветер будет. Если топнуть ногою о землю, землетрясение будет. Китайская пословица».

Никакие реки крови не в состоянии были залить пламени гнева и борьбы, которое с каждым днем становилось все больше и ярче. Горела под ногами японских хищников чужая им китайская земля. Летели под откос японские поезда, валились мосты, рвались провода.

Вдохновенные строки посвящены в романе агитатору партии Сяо — «человеку правильных действий», который «говорил мысли верные и пророческие».

В заключительной части романа «На Востоке» изображался разгром Красной Армией японских империалистов, заклятых врагов советского, китайского и японского народов. Всем ходом повествования Павленко подводил читателей к мысли о закономерности этой победы. Он не мог, конечно, с точностью предвидеть в своем произведении, написанном в 30-х годах, всех событий будущей войны. Но писатель увидел главное — героизм советских людей, их подвиги и победу.

Нельзя сказать, что в окончательном варианте романа Павленко полностью удалось преодолеть те недостатки, на которые ему указал Горький: Стремясь изобразить непрерывный поток жизни, писатель не всегда еще сосредоточивает внимание на самом главном,— отсюда известная рыхлость композиции. В произведении есть страницы, написанные сухо, прозаично. Так, например, описание харбинского железнодорожного сражения похоже на официальное донесение. Недостатки романа свидетельствовали о том, что перед Павленко со всей остротой стояла задача добиться строгого и полного идейно-художественного единства. Выполнить эту задачу он мог лишь путем борьбы за дальнейшее овладение методом социалистического реализма.

Но в целом роман «На Востоке» — серьезная удача писателя-реалиста.

В короткий срок книга выдержала большое количество

изданий, ее обсуждали на многочисленных читательских конференциях в городах, деревнях, в воинских частях.

С интересом встретили роман и прогрессивные круги за рубежом. Вскоре после выхода в свет он был переведен на шесть языков: китайский, чешский, польский, болгарский, английский, французский. На чешский язык роман перевели Юлиус Фучик и его жена Густа Фучикова.

В предвоенные годы растет и мастерство Павленко-публициста. Это особенно заметно в опубликованных тогда в «Правде» очерках о строительстве Большого Ферганского канала — «Дни Лягана», «Ферганский почин». Очерки эти рассказывают о величественном трудовом подвиге советских людей. Писатель сам был на стройке. Много лет спустя он говорил молодым литераторам: «Одно из счастливейших моих воспоминаний — пребывание на стройке Ферганского канала.

Многое из того, что я тогда видел, было как бы прообразом завершеного коммунизма...»

Образы людей народной стройки навсегда стали близкими для Павленко. Они вошли в его рассказы военных лет. А после войны с особой силой прозвучала в романе «Труженики мира» основная тема советской литературы — тема свободного созидательного труда.

* * *

В 1939 году началась спровоцированная гитлеровцами война Финляндии против Советского Союза. В качестве военного корреспондента Павленко уехал на фронт и находился в передовых частях Красной Армии. Его многочисленные статьи и очерки печатались во фронтовых и центральных газетах.

После войны Павленко возвращается к творческой работе. Рождаются планы новых произведений. Но передышка была недолгой. В 1941 году гитлеровские полчища вероломно напали на Советский Союз. Партия и правительство мобилизуют все силы народа на борьбу с врагом.

Бойцов и офицеров на фронте, тружеников советского тыла воодушевляют полные гнева, ненависти к врагам и любви к своему народу строки Алексея Толстого, Михаила Шолохова. Ильи Эренбурга.

Вместе со всеми советскими писателями на фронт отправляется и Петр Павленко. Он снова становится военным корреспондентом, пишет для «Правды», «Красной звезды»; газеты Западного, Брянского, Крымского, Закавказского и Третьего Украинского фронтов печатают его взволнованные корреспонденции, талантливые очерки, рассказы о рядовых людях нашей страны, воспитанных Коммунистической партией.

В этих очерках и рассказах на первом плане всегда совет-

ский человек, его мысли, чувства, переживания. В рассказе «Минная рапсодия», например, запечатлен характер сапера Георгия Воронцова, человека исключительного мужества, верной боевой дружбы.

Тема братской солидарности народов интересовала Павленко и в довоенные годы. Теперь он показывает, как советские люди различных национальностей в боях доказывают свою преданность социалистической Родине.

Глубоко правдив рассказ «Мой земляк Юсупов». Он не велик по размерам — всего четыре страницы. Но как ярко показан в нем образ узбека Тургунбая Юсупова — в мирные дни строителя знаменитого Ферганского канала, а в дни войны — доблестного воина.

Одно из лучших павленковских произведений военных лет — рассказ «Григорий Сулухия». С большим мастерством раскрыта в нем душа советского патриота, героически выдержавшего страшные пытки, которым подвергают его фашисты, и умирающего с чистой совестью, не запятнанной трусостью и предательством.

Не все, что написал Павленко о Великой Отечественной войне, одинаково удачно. Сам писатель считал, что ему не удалась «Русская повесть». Действительно, это произведение слабее других. В нем видны следы спешки, торопливости, и заметны они прежде всего в изображении человеческих характеров — им не хватает глубины, художественной достоверности.

Но лучшие произведения Павленко о боевых подвигах советских людей, их несокрушимой воле к победе и ненависти к врагам сохраняют и сейчас свою художественную силу.

* * *

Послевоенный период — время наивысшего расцвета творчества Павленко. Он создает роман «Счастье», повесть «Степное солнце», большие публицистические очерки, работает над «Тружениками мира».

Успехи строительства коммунистического общества, возросший международный авторитет нашей Родины обусловили новый подъем советской литературы. Центральный Комитет партии в своих постановлениях по идеологическим вопросам потребовал от деятелей искусства, писателей, критиков, чтобы они в совершенстве овладели методом социалистического реализма, создавали высокоидейные, патриотические произведения.

Сила лучших романов послевоенных лет — таких, как «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Вольница» Ф. Гладкова, «Необыкновенное лето» К. Федина, «Счастье» П. Павленко, «Буря» и «Девятый вал» И. Эренбурга и других, — в типичности характеров, жизненности конфликтов, в том, что писа-

тели не бояться смелого заострения образов для углубленного изображения действительности.

В статье «Вдохновляющая сила», анализируя творческие победы и поражения некоторых писателей, Павленко делал правильный вывод: «Истоки нашей жизни — в воле народа, идущего к коммунизму, в партийном отношении к миру. И тот, кто пьет из этих истоков, обретает силу, в которой — и мастерство, и оригинальность, и красота»¹.

Он настойчиво призывал своих товарищей по оружию, советских писателей, глубоко изучать действительность. «Школа писателя — жизнь» — так озаглавлена его статья, которая может быть названа программной. «Общим и неоспоримым, — писал в ней Павленко, — является одно: работа над литературным произведением требует глубокого и всестороннего знания темы, а источник такого знания — жизнь»².

Справедливость этих слов подтверждает творчество самого Павленко и особенно его роман «Счастье» (1947 г.), в основу которого легли крымские впечатления. Павленко глубоко изучил материал своего произведения. Он жил в Крыму с 1945 года и принимал самое горячее участие во всем происходившем здесь.

Писателя привыкли видеть на колхозных собраниях, с ним любили поговорить, посоветоваться, поспорить. К Павленко ежедневно обращались десятки людей. Он часто выступал то с речью на партийно-хозяйственном активе, то с лекцией в санатории. Жители Ялты с интересом читали его мастерски написанные статьи в городской газете.

Не только Ялта, но и весь Крым знал Павленко как партийного работника, активного участника социалистического строительства области. Он был членом Крымского областного комитета партии.

Коммунисты Крыма поручили ему ответственное дело воспитания молодых писателей. С большой любовью выполнял он это партийное поручение. Павленко отыскивал новых способных людей, учил их, предъявляя к ним самые серьезные требования. Вдумчиво работал он и с теми писателями Крыма, произведения которых уже печатались, он помогал им вырасти в настоящих инженеров человеческих душ. Благодаря этому окрепла крымская литературная организация, вышел ряд новых произведений, известных читателям всего Советского Союза: «В Крымском подполье» и «В городе русской славы» И. Козлова, «Семья Рубанюк» Е. Поповкина, «Горы в цвету» Дм. Холендро, «Теплоход «Кахетия» О. Джигурды и другие.

Образ коммуниста — агитатора партии не пришел к писа-

¹ «Литературная газета» от 10 ноября 1948 года.

² «Литературная газета» от 19 декабря 1951 года.

телю со стороны. Он подсказан ему всей жизнью, связан с его повседневной деятельностью.

Роман Павленко «Счастье» — одно из первых и самых крупных произведений советской литературы, посвященных окончанию Великой Отечественной войны и мирному строительству. Писатель показал главное в нашей жизни — руководящую роль Коммунистической партии. Тема единства партии и народа всегда была в центре внимания Павленко. Теперь ему удалось показать во всей полноте и глубине замечательный образ героя нашего времени — коммуниста Воропаева.

Этот характер раскрывается в действии, во взаимоотношениях с остальными героями романа, в борьбе и труде людей, вожаком которых становится Воропаев.

Павленко показывает своего героя в движении, в развитии. Впервые читатель знакомится с Воропаевым в одну из самых тяжелых минут его жизни. Больной, одинокий, он приезжает в Крым, чтобы, получив в аренду маленький домик, зажить «как придется». Позади боевые подвиги, друзья, вместе с которыми завоевывал победу, позади, думается Воропаеву, и дерзания, творческое горение, любовь. Он «вывалился из своего счастья, как из самолета».

Однако всей своей предшествующей жизнью Воропаев отлично подготовлен к тому, чтобы выдержать это суровое испытание. «Комсомольские годы прошли в астраханских степях. Потом, уже став коммунистом, став командиром, он сторожил границу на Амуре, строил Комсомольск. Армия стала его домом на добрую половину жизни...». А какой школой для Воропаева была Великая Отечественная война! Начальник политотдела корпуса, он участвовал в решающих боях за Родину.

Вот почему, лишившись на фронте ноги, заболев туберкулезом, потеряв надежду когда-нибудь вернуться в армию, полковник Воропаев хотя и переживает мучительно свое горе, но попрежнему горячо интересуется всем, что происходит в жизни.

Пусть он еще сильно тоскует, пусть ему кажется невозможным вернуть былое. Но Воропаев избирает не отшельническую жизнь, а единственно возможный для него путь активного участия в возрождении изуродованной фашистами крымской земли, в борьбе за счастье советских людей. Пренебрегая необходимым отдыхом, он становится пропагандистом райкома партии.

«Витаминыч» — прозвал его народ, удивительно верно определив жизненную силу воропаевских действий. Воропаев вдохновляет, организует вчерашних фронтовиков, нынешних колхозников — Огарнова, Городцова и других на самоотверженный труд. Он находит замечательных людей, способных работников — Юрия и Наташу Поднеbesко, о существовании ко-

торых в районе мало кто знал до него. Под его влиянием раскрывается характер Лены Журиной.

В повседневном общении с множеством людей сам Воропаев черпает новые физические и духовные силы. Народ — вот чудодейственный источник, который исцеляет его, возрождает для счастья.

Типичные черты передового человека нашего общества — коммуниста — в образе Воропаева выражены в неповторимо своеобразном человеческом характере. Воропаев наделен индивидуальными чертами, которые присущи именно ему, и только ему. Его нельзя спутать ни с кем, хотя он и стоит в одном ряду с такими замечательными образами нашей литературы, как Давыдов, Кожух, Левинсон, Кирилл Извеков и другие духовные наследники горьковского Павла Власова.

Воропаев противопоставлен в романе оторвавшемуся от масс, превратившемуся в чиновника секретарю райкома Корытову, который не мог по-настоящему руководить районом. В чем основная ошибка Корытова? Да в том, что за планами и цифрами он не сумел разглядеть живых людей, опереться на них, организовать их для борьбы с трудностями тех лет. Корытов, по его же собственному признанию, совершенно не интересовался «отдельным человеком».

Вполне понятно, что корытовские методы руководства должны были потерпеть крах. Хотя Воропаев и не хотел оставить пропагандистскую работу — работу «чистого вдохновения», как он ее называл, но все-таки ему пришлось заменить Корытова на посту секретаря райкома партии.

Павленко создал произведение о счастье коммуниста, а стало быть, о счастье народа, ибо эти два понятия неотделимы друг от друга. Судьба Воропаева тесно переплетена с судьбами других героев, которые занимают в романе важное в идейном и художественном отношении место.

Тему возрождения к счастью тысяч советских людей, судьбы которых были изуродованы войной, автор решает на примере жизни переселенцев. В Крым едут русские, украинские колхозники, жители разных областей Советского Союза. Фашистские захватчики разграбили и до тла сожгли их дома, замучили, расстреляли близких. На опустошенных врагом землях Крыма жизнь возрождается тяжело, в напряженном труде и лишениях. Но герои Павленко — Цимбал, Поднеbesко, Огарновы, Городцов и другие — вновь обретают свое счастье.

Утверждение счастья советского человека неотделимо в романе от разоблачения буржуазного мира. Эти две темы сочетались в творчестве Павленко и прежде, в более ранних произведениях. Но его критика империалистического Запада нигде не достигала такой разоблачительной силы, как в романе «Счастье».

Воропаев в качестве переводчика сопровождает во время

разъездов по Крыму американского журналиста Гарриса, пьяницу и невежду, продажного писаку. Услышав однажды оперу «Князь Игорь» и посмотрев половецкие пляски в ней, он решил, что достаточно хорошо изучил «русскую душу», чтобы писать о России для американских газет. Бредовая идея мирового господства скрывалась за такого рода изречениями Гарриса: «Монополия на самую лучшую демократию в наших руках». Беспощадно, хотя и в вежливой форме, его разоблачает Воропаев.

С трудом сдерживает свой гнев во время разговора с Гаррисом старый винодел Широкогоров, также разглагольствовавший в Гаррисе не просто ограниченного человека, но реакционера. На вопрос американского журналиста, почему борьба с фашизмом должна будет продолжаться и после разгрома гитлеровцев, Широкогоров отвечает: «...вы, господин Гаррис, займете место поверженного, вы станете и самым ярким защитником капитализма в его злейших формах. И таких, как вы, немало».

Сродни Гаррису и майор американской армии. Этот «боевой офицер» нагло хвастается своими «коммерческими подвигами» в захваченных городах и ратует за «деловое» сотрудничество с фашистскими фирмами в Вене.

Александра Ивановна Горева — одна из героинь «Счастья» — вместе с передовыми частями Советской Армии вступила на европейскую землю. Какими же ничтожными оказались «просвещенные европейцы», которых она увидела там. Знаменателен эпизод встречи Горовой с потомком австро-венгерских императоров — герцогом Иозефом. Герцог, распродавший все свои ценности, охотно становится комиссионером у американских торговцев мылом. Печать паразитизма и дряхлости лежит на всем, что окружает его в фамильном замке.

Писатель не забыл, однако, и о второй Европе — о народах европейских стран. Офицер Голышев говорит Горовой об отношении к советским воинам-освободителям в рабочих кварталах Вены: «Там зацелуют, заобнимают и наплачутся на плече».

Воропаев представляет себе огромную работу, которая предстояла бы ему в освобожденных нашими войсками городах. Здесь и организация порядка, и борьба с фашистами, ушедшими в подполье, и заботы о продовольствии, и о спектаклях в городском театре, и о многом другом, чего требует жизнь, стремительно развивающаяся там, куда ступила нога советского человека-освободителя.

Но, высказав очень верные и глубокие мысли о второй, истинной Европе, о помощи советских людей народам других стран в строительстве новой жизни, Павленко не сумел воплотить их в выразительных художественных образах. К сожалению, европейская действительность показана в книге главным образом через восприятие Горовой, а этот образ в романе вообще оказался бледнее, рационалистичнее других.

Стиль Павленко в романе «Счастье» отличается подлинным мастерством и разнообразием художественных приемов. Так, например, портрет Воропаева писатель показывает через восприятие других персонажей.

По-другому рисуется внешность Корытова. Павленко резкими штрихами дает его облик «от автора»: «Лицо не казалось симпатичным. Вялое, малоподвижное, оно не располагало к себе с первого же взгляда».

Иначе, мягкими акварельными красками создает писатель портрет Лены Журиной, «худенькой, невысокого роста женщины», с бледным, «но по рисунку энергичным и чем-то необъяснимо обаятельным лицом».

Своеобразна композиция «Счастья»: непосредственное изображение событий нередко перемежается в романе с письмами, воспоминаниями, мечтами героев. И это не просто отступления, без которых можно было бы обойтись,— они всегда оправданы и необходимы.

Вот Воропаев думает о своих фронтовых друзьях. Эти думы, прерывающие ход повествования, глубоко значительны и уместны. Это — не только воспоминания, но и мысленное воспроизведение упорных боев, которые вела тогда Советская Армия и от которых зависела судьба всех советских людей.

Или еще пример. В роман включены записки к теме «Нравственный элемент на войне», сделанные Воропаевым-фронтовиком. Перечитывает же их Воропаев — больной, прикованный к постели. И на страницах, не просто воскрешающих фронтовые эпизоды, но передающих величие борьбы всего советского народа за победу, он находит необходимые для его выздоровления мужество, веру в свои силы, в счастье.

Основные события, изображенные в романе «Счастье», разворачиваются в Крыму. Чарующая природа этого края никогда не бывает у Павленко просто фоном.

Герои радуются живым краскам природы, вдыхают чудесные ароматы моря, полей, деревьев. Чуткое ухо человека слышит множество звуков, едва различимые шорохи. Герой находит в картинах природы либо что-то созвучное своим чувствам, мыслям, либо противоположное им, контрастирующее с ними,— пейзаж неизменно рисуется во взаимодействии с человеком.

Главный герой «Счастья» Воропаев особенно часто изображается в таком «взаимодействии» с природой. Вот, например, он, чувствуя себя беспокойно, тоскливо смотрит на буйные краски южного пейзажа — «цветы клубились, били ключом, теряли себя и возникали в стороне», — и в его душе проносится: «Я очень хочу жить, я так хочу жить, как никогда еще не хотел...» Так картины природы помогают писателю подчеркнуть, выделить присущую Воропаеву жажду жизни.

В романе «Счастье» во всей полноте проявилось павленковское искусство слова. Его простые, ясные фразы так метки и вы-

разительны, что годятся в пословицы и поговорки: «От нас пойдет счастье», «Город украшают, главным образом, люди», «Ходоки по жизни», «Вывалился из счастья, как из самолета», «Не всякий фронтовик — передовик», «Не тот впереди, кто обогнал, а тот, кто других тянет», «Истинное настоящее всегда впереди», «Маленькое горе почти всегда тяжелее большого».

В языке «Счастья» много элементов народной речи, которые не механически вошли в него, — обогащенные новым смыслом, они звучат по-новому.

«— Чего вы орете, ребята? — жалеючи задыхающихся криком солдат, спросил Воропаев.

— Сегодня это Крикун-гора, товарищ полковник, — ответил ему молоденький артиллерист, — а с его стороны, с немецкой, — Сапун-гора, к вечеру сделаем ему «Хрипун-гору».

Выражения «Крикун-гора», «Хрипун-гора» близки к народным.

Любовью к меткому слову, к «густым, размашистым, разнообразно вьющимся фразам, которые так характерны для русской речи и составляют ее главную прелесть», Павленко наделил и своего главного героя Воропаева.

Воропаеву принадлежат наиболее глубокие, запоминающиеся по содержанию, по яркости и простоте выражения: «Кто был... в Севастополе да в Сталинграде, тот везде побывал», «Месяц тому назад я был здесь прохожим, сейчас я уже деятель», «Изучать страну по балету — это все равно, что изучать садоводство по варенью».

Воропаев — человек для всех, агитатор партии. Он должен владеть искусством большевистского слова, которое состоит прежде всего в убежденности самого говорящего, в осознании им кровного духовного родства с простыми советскими людьми. Воропаев, как он сам признается, красноречив на народе — в кабинете он и трех слов не скажет как следует.

Именно Воропаева захотел слушать народ в День победы. Его короткая речь — образец того страстного публицистического стиля, мастером которого был Павленко.

«Мы победили», — говорит Воропаев, правильно определяя общенародный характер борьбы с фашистским нашествием и победы. Глубина и какое-то целомудрие чувств и мыслей подсказали Воропаеву, что иные, менее сдержанные слова были бы не только неуместны, но и оскорбительны в эту минуту народного торжества.

«Мы победили. Мы с вами... от мала до велика», — сказав это, Воропаев сказал и о старике Цимбале, воевавшем вместе с сыном, внучкой и похоронившем их; о Юрии и Наташе Поднебеско, которые отдали победе все, что могли отдать — юность, здоровье, домашний очаг; сказал о Лене Журиной, о каждом из слушавших его, а стало быть, о тех 200 миллионах

советских людей, частицей которых были они. Вот почему близкой, дорогой всем, понятной и убедительной была любая фраза его. А многие, наверное, запомнились на всю жизнь: «Социализм один победил за всех», «На передний край человечества вышел советский человек», «Отныне и вечно будем мы стоять перед глазами человечества, как самые сильные и справедливые люди на земле».

Политическая зоркость помогла Воропаеву тогда, в День победы, сказать слушавшим его людям, что враги мира попытаются умалить, исказить значение нашей борьбы и нашей победы, но им это не удастся. Особую весомость и категоричность придает словам Воропаева неопределенная форма глаголов, которую он употребляет трижды. Ведь эта форма используется в русском языке для усиления повелительного смысла речи: не «молчи», а «молчать», не «стой», а «стоять». Прибегая к ней, Воропаев тем самым не просто сообщает о попытках врагов умалить значение победы советского народа, но и выражает твердую уверенность, что враги потерпят крах: «Нет, теперь им не утаить наших дел! Не замолчать! Не оболгать нас!»

Политически остро, горячо, по-своему Воропаев говорит не только с трибуны. Интересен очень короткий словесный поединок, который разыгрывается по дороге в Севастополь между Воропаевым и корреспондентом буржуазной лондонской газеты. Ральф не хочет видеть Крыма, бывшего ареной жестокой битвы.

«— Ривьера,— сказал Ральф, корреспондент лондонской газеты.— Или немного Италии,— точно он не расслышал ни одного слова из рассказа Воропаева о танкистах.

— Разве на Ривьере сражались? — спросил Воропаев, но ему не ответили за ревом клаксона».

В романе «Счастье» мы встречаемся с одной из характерных особенностей стиля Павленко — с эмоциональным, выражающим одобрение или отрицание, любовь или гнев, тоном авторской речи. Писатель не прячется за мнимо объективную интонацию повествования. Так, он пишет от своего имени в адрес буржуазных корреспондентов: «Если бы хоть на одно мгновение жизнь восстановила картину происходившего здесь,— нет, даже не картину, а одни звуки ее, один ужасный рев сражения,— язык американца прилип бы к небу...»

Эта особенность павленковского стиля делает естественными включенные в художественную ткань повествования публицистические строки и страницы. Они воспринимаются, как закономерное и необходимое выражение авторских мыслей.

Роман «Счастье» пользуется огромной популярностью у читателей.

«За простоту и сердечность, за помощь словом и делом крепко уважают колхозники писателя-большевика, чья книга

«Счастье» учит бороться с трудностями и преодолевать их»¹, — писали труженики передового крымского колхоза имени Калнина в связи с пятидесятилетием П. А. Павленко.

Не только в Крыму, но и в самых различных уголках нашей Родины есть люди, которые с гордостью называют себя вояками. Это чаще всего офицеры Советской Армии, вынужденные по состоянию здоровья уйти в отставку. Они не живут на покое, а продолжают работать, отдают общему делу свой опыт, знания и чувствуют себя счастливыми.

В недавно опубликованных записных книжках Павленко мы читаем: «Если писатель — инженер души, то его книга — выкройка, проект, расчет новой души, которой время появиться. И если книга никого не создала по своему образу и подобию, то она ничто...»².

«Счастье» переведено на многие иностранные языки, широко известно за рубежами нашей страны. Книга воспитывает чувство любви и уважения к нашему народу, зовет к борьбе за мир и демократию.

* * *

Право на счастье — великое, неотъемлемое право советского человека. Павленко вновь возвращается к этой теме в следующем своем произведении — небольшой лирической повести «Степное солнце» (1949 г.).

Повесть, как и роман, проникнута радостью жизни, труда, любовью к советским людям, верой в их творческие силы. Но эти мотивы в «Степном солнце» получили свое, новое, поэтическое воплощение. Светлый мир детства, с его мечтами и открытиями, стремлениями и надеждами, предстает перед нами.

Писатель правдиво изображает становление человеческих характеров, поэтому так реалистичны образы героев и прежде всего Сережи Емельянова.

Сережа, вскоре после смерти матери, едет вместе с отцом-шофером в степь на уборочную. Городской мальчик, который никогда не был раньше в деревне, с особой остротой ощущает новизну и красоту окружающего. Его покоряют просторы степи, похожей на золотое море, но еще большее впечатление производят на Сергея новые знакомые: десятилетняя Зина Чумакова, гордая своими многочисленными обязанностями; вожак деревенских ребят Яша Бабенчиков, на которого «вполне можно положиться в любом деле»; Светлана — молодая девушка, твердо уверенная, что если не в этом году, то уже в следующем она обязательно «выйдет на героиню»; пчеловод тетя Саша, мечтающая заставить служить людям богатые подземные воды. Много нового узнает от них Сергей.

¹ «Красный Крым» от 16 июля 1949 года.

² «Крым» № 11 за 1954 год, стр. 108.

Особенно заинтересовал его Петр Петрович Тужиков, у которого была удивительная и не совсем понятная для мальчика профессия — партийный работник. Павленко показывает Тужикова главным образом через восприятие Сергея и с помощью этого удачно найденного художественного приема открывает перед читателями обаяние человека воропаевского склада. Оказывается, что «партийная работа — самая тяжелая и самая интересная, потому что она — все». Тужиков очень много знает, ему до всего есть дело, на все хватает времени. Он рассказывает Сергею и о поливке садов и о том, как рыть колодцы, ухаживать за всходами, читать книги, но главное — о людях. «Сергей побанвался его, — с мягким юмором пишет Павленко, хорошо передавая детскую психологию. — Тужиков мог, чего доброго, и мысли узнавать».

Герой повести «Степное солнце» — подросток во плоти и крови. У него бывают и драные рубахи и исцарапанные руки. И, кстати сказать, автор почти не знакомит нас с внешним обликом Сергея — городского мальчика, но зато, явно любуясь, описывает, как выглядит Сергей, поживший и поработавший в деревне: «Лицо Сергея безусловно приобрело черты мужества и отчасти геройства; по крайней мере он находил их в себе, без стеснения рассматривая в зеркале свой новый и, как ему казалось, приятный облик. Лицо его горело от ветра, глаза были красные, воспаленные, в ушах позванивало и ныло». Столь же реалистичны и далеки от сусальной красоты портреты других детей — героев повести: Зины Чумаковой, с ее коротенькими, торчащими, как перья лука, косичками, и особенно Яши Бабенчикова, на которого, в конце концов, становится похожим Сережа. Яша — «сухошавый парнишка, в одних трусах на почти кофейном теле, исполосованном следами солнечных ожогов, царапин и синяков. Его малиновый чешуйчатый нос ярко выделялся на смуглом лице, выразившем одно геройство».

Разные характеры Сергея и Яши Бабенчикова, воспитывавшихся по-разному, и в то же время общее для них чувство ответственности пионера хорошо переданы Павленко в диалоге мальчиков. Индивидуализация языка героев достигается не за счет каких-либо «детских» словечек или жаргонных выражений, как это бывает иногда в плохих книгах, а в результате умелого отбора слов и построения фраз соответственно возрасту героя, его кругозору, складу характера.

Инициативу захватил и сохраняет за собой на протяжении всего разговора Яша Бабенчиков — более энергичный и самостоятельный по сравнению с Сергеем.

« — Откуда? — спросил он недружелюбно, будто и в самом деле не имел понятия о мальчишке из автоколонны.

— А ты сам откуда? — в том же тоне отвечал Сергей.

— Я-то знаю откуда, а ты чей?

— А я ничей. Тебе какое дело?

Они стояли, как два молодых петушка, готовые к поединку.

— С колонной, что ли? — спросил Бабенчиков, склоняясь к мирному решению дела.

— С колонной.

— Так бы и сказал. Пионер?

— Пионер.

— А галстук где?

Сереза схватился за шею — галстука не было.

— Врать, вижу, мастер. За это, знаешь чего?

По глазам Бабенчикова Сергей угадывал, что произвел дурное впечатление.

— У меня мама недавно умерла, — сам не зная для чего, произнес он одними губами и сразу же устыдился сказанного: незачем было говорить о своем горе чужому».

Бабенчиков задает почти все вопросы. Сергей чаще всего ограничивается ответами или повторяет, переадресовывая Бабенчикову тот же самый вопрос: в начале разговора, например, слова, как мяч, летают от одного к другому («Откуда?» — «А ты сам откуда?»; «А ты чей?» — «А я ничей»). Конец перепалке кладет тоже Бабенчиков: в такой ответственный для деревни момент ему не до этого. По-настоящему строго спрашивает он затем о галстуке и, чувствуя свою правоту, без стеснения, в грубоватых выражениях отчитывает Сергея. А Сергей, который только что парировал все наскоки Бабенчикова, теперь и не думает обижаться ни на его слова о вранье, ни даже на угрозу: «За это, знаешь чего?». И в этом своеобразно выражается чувство ответственности Сергея, понимающего, что он совершил проступок, оказавшись без галстука. Но Сергей в разговоре с Бабенчиковым — еще не тот Сергей, каким мы его увидим в конце повести. Ему нужно, чтобы его пожалели, он хочет оправдаться. Поэтому и говорит Бабенчикову о недавней смерти матери, хотя тут же стыдится сказанного.

Писатель делает своего героя не свидетелем, а участником кипучей жизни деревни. В труде он растет и мужает. Нелегко приходится на первых порах мальчику, который не привык быть на степном солнцепеке, боялся пчел, не знал деревенской жизни. Но Сереза с помощью своих новых друзей справляется с большими для него трудностями. Он собирает колоски, руководит бригадой девочек, работает связным. Это участие в общем труде помогает ему перенести свое личное горе, почувствовать себя счастливым, радостно посмотреть на мир глазами, которые «до сих пор еще не все видели».

* * *

Борьбе за коммунизм посвящены публицистические произведения Павленко, написанные после войны. С волнением и гордостью рассказывал он о славных делах советских людей.

Пафосом созидания проникнут его очерк «Крым, которого еще не было». Этот очерк рисует недалекое будущее Крыма. Здесь приведено множество фактов, цифр из области истории, сельского хозяйства, промышленности, культуры. Но это — не научный трактат, а художественное произведение, где все дышит поэзией, — от картин крымской природы до изумительных по точности, яркости, лаконичности рисунка портретов людей.

Советские люди — творцы коммунизма в центре внимания Павленко-публициста. Разве не характерно, что в очерке «Крым, которого еще не было» даже о прошлом Крыма мы как бы вместе с автором узнаем от его собеседника — знатока отечественной истории и горячего патриота.

А можно ли забыть крымских жителей, съехавшихся из разных районов на всенародный митинг в Джанкое? Павленко мастерски изобразил каждого из них. Мы видим старого чабана «с лицом, похожим на коричневый медовый пряник». Мы слышим речь белогорца на митинге, восхищаемся государственной мудростью председателя степного сельсовета.

Активный борец за мир, участник конгрессов в защиту мира, Петр Андреевич Павленко побывал во многих странах. Читатели узнавали из его статей, очерков о росте сознания народных масс, их воле к защите мира, о строительстве социализма в странах народной демократии, о происках поджигателей войны.

«Молодая Германия» — последняя публицистическая книга Павленко. Она посвящена общегерманскому слету демократической молодежи и первому съезду Союза немецких писателей, которые происходили в Берлине весной 1950 года.

Писатель рассказывает об участии молодежи в политической, производственной и культурной жизни Германской Демократической Республики. Тысячи молодых девушек и юношей выдвинуты на руководящую работу в промышленности, на транспорте. Они являются передовиками производства, членами комитетов народного контроля. Впервые дети рабочих и крестьян получили возможность учиться.

«Молодая Германия» Павленко обращена против американских империалистов, которые пытаются возродить фашизм. Эта книга написана другом немецкого народа, который борется за единую демократическую Германию.

Ненависть к империалистической Америке, которую Горький назвал страной Желтого дьявола, к ее долларovým королям, к жрецам ее растленной «морали» звучит в одном из самых значительных публицистических произведений Павленко — «Американские впечатления». Показывая усиление реакции в США, писатель в то же время с чувством глубокого уважения говорит о мужественных представителях прогрессивной Америки, подчеркивает любовь к нашей Родине простых американцев.

Идейной и художественной вершиной павленковской публицистики явились его «Итальянские впечатления». Многие страницы этого очерка перекликаются с гневными памфлетами Ярослава Галана. Павленко бичует реакционную сущность Ватикана, продавшегося Уолл-стриту так же, как раньше продавался Муссолини и Гитлеру.

Беспощадно разоблачает он и янки-оккупантов в Италии — беззастенчивость грабителей, тупоумных наглицов и невежд, которых ненавидят все честные итальянцы.

И в то же время Павленко пишет о борющейся Италии. Эта Италия — верный друг Советского Союза, непримиримый враг фашизма и войны.

Проникнутая духом партийности, публицистика Павленко и сегодня помогает нашему народу в борьбе за коммунизм, за мир.

* * *

Последний роман Павленко «Труженики мира» должен был стать «по самой теме не только русским или узко советским...», это «коммунистический, международный роман... роман великих восстаний, бунтарств, мучений и героизма»¹.

Павленко успел написать только первую книгу «Моя земля» (она была опубликована уже после смерти автора, в 1952 году).

Судя по этой первой части и по тому, что известно о последующих, ненаписанных частях, роман «Труженики мира» мог стать значительным этапом на творческом пути писателя.

Новое произведение, охватывающее десятилетие с 1939 по 1949 год, было задумано Павленко как большое эпическое полотно о судьбах человечества. В книге «Моя земля» действие доведено до начала 1940 года. В нем множество героев — представителей различных общественных кругов, профессий, поколений, стран. События разворачиваются то в поезде, идущем с Дальнего Востока, то в Москве, то в Средней Азии, то снова в Москве. А разговоры, воспоминания, мысли героев переносят читателя в Испанию, Чехословакию, Францию, Италию. Все люди и события объединены идеей романа — идеей борьбы за мир и коммунизм. Павленко утверждает эту идею, показывая строительство Большого Ферганского канала, трудовые подвиги советского народа, его непоколебимую решимость построить коммунистическое общество. «В сущности, — читаем мы в романе, — в мире шли две войны. На одной войне убивали, жгли города, выгоняли детей из домов в поле, на другой, бескровной войне строили, созидали, растили людей».

Стремление вперед отличает не только поватора Дусматова, но и всех колхозников, энтузиастов стройки — плотника Амильджана Шарипова, корреспондентов Березкина и Ахундова.

¹ П. Павленко. Соч., т. 2, стр. 298.

В центре произведения — семнадцатилетняя девушка Ольга Соболевичова. Ольга, как Юрий и Наташа Поднебеско из романа «Счастье», проходит через тяжелые испытания, связанные с войной. Во время боев у Халхин-Гола японцы убили ее отца. Ольга заболела тяжелым нервным расстройством. Заботой, вниманием окружает Ольгу персонал санитарного поезда, где она работает медсестрой. По-отцовски сердечно и требовательно относится к ней доктор Сергей Львович, с которым она и уезжает в Среднюю Азию. Живительный воздух великой стройки исцеляет Ольгу. Она растет, мужает на глазах читателя, становясь одной из представительниц того поколения, о котором Фадеев писал в «Молодой гвардии»: «Самые, казалось бы, несоединимые черты — мечтательность и действительность, полет фантазии и практицизм, любовь к добру и беспощадность, широта души и трезвый расчет, страстная любовь к радостям земным и самоограничение, — эти, казалось, несоединимые черты вместе создавали неповторимый облик этого поколения».

Мы могли бы представить себе дальнейшую жизнь Ольги, если бы даже запись Павленко не сохранилась в блокноте, — что в годы войны Ольга отважно сражается с фашистами, а после войны столь же мужественно отстаивает мир.

Через все книги романа должна была пройти большая, верная любовь Ольги к испанскому антифашисту Хозе Миралю, с которым она встретилась в Средней Азии. Образы Хозе, чешского коммуниста Войтала, штурмовика Шпитцера, корреспондента американской газеты Горака имеют большое значение в произведении. Разными путями оказавшиеся в Советском Союзе, они постоянно спорят друг с другом. Эти споры, а также размышления героев о своих странах дают возможность Павленко осветить важнейшие международные события того времени, когда вторая мировая война на деле уже началась.

В романе «Труженики мира», как и в прежних своих произведениях, Павленко показывает два Запада, две Европы. Сильны своей волей к победе герои романа — патриоты разных стран и прежде всего коммунисты Хозе и Войтал. Павленко реалистически рисует своеобразие их различных национальных характеров и общую для обоих преданность родине. Пылкий и жизнерадостный Хозе воевал против Франко, был четырежды ранен, сидел во французском концлагере и теперь думает лишь о том, чтобы вернуться в Испанию, продолжать борьбу.

Вацлав Войтал — сподвижник Юлиуса Фучика, всю жизнь проживший вблизи рабочих районов Праги, тоже умеет любить и ненавидеть. Интересны его споры с Горакком — журналистом-космополитом, одним из тех, кто продал Чехословакию фашистам. Напрасно Горак пытается прикрыться словечками об интеллектуальности и внепартийности, спрятаться за спасительные воспоминания о музеях. И Войтал, и Хозе, и Шпитцер

видят его в той подлинной «американской шкуре», которую он носит под своим легким пиджаком. Сражение с Гораксом — одна из форм борьбы, которую они вели и будут вести с предателями своих народов.

Далее Павленко намеревался показать все возрастающую роль демократического лагеря, сделать своих героев участниками послевоенных конгрессов в защиту мира.

Роман «Труженики мира» остался незаконченным. Но уже первая часть свидетельствует о значительном росте мастерства писателя. Эпичность повествования сочетается здесь с публицистической страстностью. В романе есть та большая перспектива, та устремленность в завтрашний день, которая вообще характерна для произведений социалистического реализма.

Публицистичность романа проявляется и в его композиции. Павленко смело включает в повествование разговоры и размышления героев на политические темы, цифры, письма. Важную роль играет в романе пейзаж. Писатель умеет тонко передать красоту Байкала, взволновавшую Ольгу, скупое и выразительно рассказать о песках пустыни, с которыми повели борьбу советские люди. Но лучше всего ему удался московский пейзаж. С какой любовью и гордостью показывает Павленко Москву — столицу мира. «Москва, — пишет он, — не город памятников и достопримечательной истории, хотя есть в ней и то и другое, — она столица новых характеров, живая выставка жизни, которой не знает ни одна столица мира».

* * *

16 июня 1951 года внезапно оборвалась жизнь Петра Андреевича Павленко, находившегося в полном расцвете своих творческих сил. Смерть застигла писателя в тот момент, когда он работал над публицистической статьей о Горьком — бунтаре, труженике, искателе. 18 июня 1951 года «Правда» опубликовала эту оставшуюся незаконченной статью. В ней есть такие строки:

«Создав нового читателя, Горький создал и новый тип писателя-политика. До него история не знала примеров органического соединения поэта с политикой, соединения, удешевляющего силы художника и ставящего его в исключительно благоприятные творческие условия, когда он действительно может явиться инженером человеческих душ...»

Трибун, агитатор, организатор — вот идеальный горьковский образ писателя-политика».

К числу таких писателей принадлежал и сам Павленко — ученик Горького, выдающийся мастер советской литературы.

★ К ЧИТАТЕЛЯМ ★

Издательство «Знание» Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний просит присылать отзывы об этой брошюре по адресу: Москва, Новая площадь, д. 3/4.

★

Автор
Марианна Ивановна Новикова.

Редактор А. С. Берзер.
Редактор издательства Е. Н. Конохова.
Техн. редактор П. Г. Исслентьева.

А 01458, Подписано к печати 23/III 1955 г. Тираж 87 000 экз. Изд. № 243.
Бумага 60×92¹/₁₆ — 1 бум. л. = 2 п. л. Учетно-изд. 1,9 л. Заказ № 429.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.

ВКЛАДЫ В СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ
СПОСОБСТВУЮТ ДАЛЬНЕЙШЕМУ РАЗВИТИЮ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ

ПРИНИМАЮТ ВКЛАДЫ до востребования,
срочные, выигрышные, условные и на теку-
щие счета;

ВЫДАЮТ ВКЛАДЫ до первого требованию
вкладчиков;

ПЕРЕВОДЯТ ВКЛАДЫ из одной сберегатель-
ной кассы в другую;

ВЫДАЮТ и ОПЛАЧИВАЮТ АККРЕДИТИВЫ;

ПРОДАЮТ и ПОКУПАЮТ облигации Госу-
дарственного 3% внутреннего выигрышного
займа;

ВЫПЛАЧИВАЮТ ВЫИГРЫШИ по облигациям
государственных займов.

По вкладам, внесенным в сберегательные
кассы, вкладчикам выплачивается доход
в виде процентов или выигрышей.

**ВНОСИТЕ ВКЛАДЫ
В СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ**